

5. Rokeach M. The nature of human values. — N. Y. — London , 1973.

6. Костомаров Н. И. Две русские народности / Н. И. Костомаров — Киев — Харьков : Майдан, 1991. — 120 с.

Попков Василий Васильевич – кандидат философских наук, профессор кафедры политологии Одесского национального университета им. И. И. Мечникова.

УДК: 101.9+101.8

Н. БЕРДЯЕВ О РОССИЙСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАРКСИСТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ.

В статті розкриваються погляди Н. Бердяєва на особливості сприйняття російським суспільством європейського суспільства. Аналізується феномен більшовизму як синтез марксизму і народництва. Розглядається соціально-філософські та етнічні основи специфічного російського комунізму.

Ключові слова: Бердяєв, марксизм, народництво, більшовизм, комунізм, революція, свобода, філософія.

В статье раскрываются взгляды Н. Бердяева на особенности восприятия российским обществом европейского марксизма. Анализируется феномен большевизма как синтез марксизма и народничества. Рассматриваются социально-философские и этические основы специфического русского коммунизма.

Ключевые слова: Бердяев, марксизм, народничество, большевизм, коммунизм, революция, свобода, философия.

In the article Berdyaev's views of the specifications of reception of the European marksism by the Russian society are revealed. The phenomenon of bolshevism is regarded as the synthesis of marcsism and populism. The sociol-philosophical and ethical foundations of the specific Russian communism are considered.

Key words: Berdyaev, marcsism, populism, bolshevism, communism, revolution, freedom, philosophy.

Сегодня при оценке исторических последствий Октябрьской революции 1917 года по-прежнему актуальным является вопрос: почему из всего разнообразия социальных концепций, которые увлекали российскую интеллигенцию в XIX столетии, победу одержала марксистская концепция? Еще более острым является вопрос: почему именно эта концепция на многие годы превратилась в универсальную парадигму всего многонационального российского государства?

Ответ на эти вопросы содержится в анализе особенностей восприятия марксизма российским обществом. Примечателен сам факт раскола марксизма на меньшевистское и большевистское направление. Показателен также ментальный раскол российского общества на культурную элиту «серебряного века» и враждебную «барской культуре» массу народа. В итоге получилось так, что из российской драмы борьбы идей и концепций выросли ленинизм, коммунистическая идеология, коммунистический интернационализм и большевистская философия истории. Эту особенность формирования русского марксизма с наибольшей глубиной исследовал выдающийся философ Н. Бердяев.

Он отмечал, что первоначально русский марксизм был крайней формой западничества. Главным его тезисом тогда было: капиталистическая индустрия должна породить рабочий класс, который и выполнит миссию социального освобождения. Именно с этого фланга началась борьба марксизма с народничеством. Марксисты в качестве своей главного актора видели не выдающихся одиночек, а **объективный социально-экономический процесс**.

На смену старому эмоциональному типу революционера-народника пришел новый интеллектуальный и рациональный тип революционера-марксиста. Специфически русские условия диктовали специфическую логику эволюции марксизма. [5, с. 166-168]

Первым этапом в этой эволюции было усвоение детерминистских и эволюционных элементов в учении Маркса. Первых марксистов интересовало не столько экономическое развитие России, сколько созревание пролетариата как инструмента революционной борьбы и социального переворота. При этом изначально была упущена одна существенная деталь: в социологическом детерминизме

Маркса есть психологическое звено – учение о мессианском призвании пролетариата, об идеальном обществе, которое наступит. Веру в активность человека Маркс взял из немецкого идеализма.

В системе марксизма Бердяев видит логически противоречивое соединение элементов материалистических, детерминистских, имморалистических с элементами идеалистическими, морализаторскими, религиозно-мифотворческими. Н. Бердяев считает, что диалектический материализм есть нелепое словосочетание. Не может быть диалектики материи. Диалектика предполагает логос, смысл. Возможна лишь диалектика мысли и духа [1, с. 82].

Маркс по сути дела создал «миф о пролетариате». Историческая миссия пролетариата стала предметом веры. В этом, по мнению Бердяева, скрыт секрет наибольшего влияния марксизма именно в России. Используя именно этот мессианский ресурс марксизма, российская марксистская интеллигенция разворачивает борьбу против народников-социалистов. Это происходит на фоне превращения социализма в важнейшую политическую составляющую Европы.

Значимость марксизма для русского политического сознания была фатальной. Русские социалисты, наконец, перестали ощущать себя беспочвенными мечтателями, получили «научную» идеологическую основу. Однако они глубоко страдали от внутреннего морального конфликта: приветствовать развитие капитализма и одновременно считать его злом и несправедливостью. Этот конфликт впоследствии будет по-своему разрешен Лениным и большевиками с их тезисом о «революционном скачке» в социализм, не дожидаясь «дозревания капитализма». Не желая, чтобы революционная воля была парализована интеллектуальной рефлексией, радикальная часть российских марксистов стала двигаться к «своему» марксизму – тому, в котором традиции европейской марксистской революционности соединяются традициями народнической российской революционности.

Здесь просматривается **второй этап** в развитии российского марксизма. Центральным звеном в анализе этого этапа выступают соображения Н. Бердяева о связи Ленина не только с идеями Маркса, но и с идеями Чернышевского и народолюбцев. Н. Бердяев делает вывод, что марксисты-большевики значительно более полно вписались в русский социально-политический менталитет, чем марксисты-меньшевики. Эту особенность русского марксизма отмечает и британский историк Джефффри Хоскинг: «если рассматривать народничество и марксизм как два отдельных течения, то большевизм следует понимать как их синтез» [6, с. 378]. Он указывает на неизбежность появления в российской истории политических фигур наподобие Ленина и большевиков. Расценивая их как силу, что определила себя в качестве единого, ортодоксального, интегративного и тоталитарного марксизма. В этой своей форме «ортодоксальный» марксизм пошел на фундаментальный пересмотр положений марксизма европейского.

Марксисты-ленинцы сгруппировались не вокруг реального пролетариата, а вокруг **идеи пролетариата**. Носителем же этой идеи провозгласило себя организованное меньшинство – большевистская часть РСДРП. Ленин осуществил революцию под лозунгами Маркса, но не в соответствии с его учением. В России победил марксизм не как научная теория, а как религия пролетариата.

В этот период Н. Бердяев становится одним из главных выразителей течения «от марксизма к идеализму». Он отходит от П. Струве и сближается с С. Булгаковым. Появилась новая, духовная, революционность, которая формулирует как главный принцип не внешние «объективные закономерности», а принцип духовной свободы личности.

Внутренний раскол русского марксизма осуществился на фоне глубокого духовного раскола в русском обществе, вызванного переходом от непоследовательной гражданской политики Александра II к политике русификации, проведенной Александром III. Панславизм стал ответом на последствия Крымской войны. Сработали и известные геополитические расчеты: ожидалось, что включение в состав Российской империи новых славянских народов будет содействовать численному перевесу славян в границах империи. В 1871 году после создания Германской империи панславизм стал превращаться в практическую политику, стал рассматриваться как способ сдерживания германского влияния в Центральной и Восточной Европе. Однако официоз, который группировался при российском дворе, никогда последовательно не поддерживал панславизм. В нем были сильны германофильские настроения.

Панславизм провел линию раскола между российским гражданским обществом и политическими верхами России. Резко обозначились также противоречия между великодержавными внешнеполитическими амбициями России и ее внутренними расхождениями. Внутривосточный духовный раскол усилило обострение национальных проблем. В эпицентре общественных дискуссий

очутилась часть Польши, Финляндии, Прибалтики, Кавказа, Средней Азии, радикализировался еврейский вопрос. Национально-освободительные настроения вызревали и в Украине.

В этой обстановке сформировались два внутренне несовместимых течения марксизма. Одна часть марксистов защищала целостный, тоталитарный характер своего революционного мировоззрения. Другая часть отстаивала дифференциацию различных культурных сфер, освобождение жизни духа и духовного творчества. В рамках этого направления были признаны права религии, философии, искусства, нравственной жизни, которые не зависят от социального утилитаризма. Именно из недр марксизма вышла в России идеалистическое, а потом религиозное течение. Пришел конец монополии материализма и позитивизма среди российской интеллигенции. В конце концов, это привело к тому, что целостность, тоталитарность стали искать не в революции и революционной теории, а в религии. В этот период Н. Бердяев становится одним из главных выразителей течения, которое С. Булгаков потом назовет «от марксизма к идеализму». [4, с. 21].

Начало XX столетия в России Н. Бердяев расценивает как культурный ренессанс. Появилась оригинальная российская философская школа, достигла расцвета русская поэзия. Эстетическое сознание достигло своей остроты и высоты. Пробудился интерес к духовным вопросам, как это уже было в начале XIX века. Произошел поворот от Чернышевского и Плеханова к Толстому, Достоевскому, Соловьеву, Ницше. Активно осваивались Шеллинг, Баадер, Ибсен, французские символисты. Русский символизм из сферы эстетико-художественной перешел в сферу религиозно-мистическую. Эти течения стали утрачивать связь с социалистическим революционным движением. Формировалась рафинированная культурная элита, которая не имела серьезного влияния на широкие круги русского общества. Между верхним и нижним уровнем русской культуры образовалась пропасть.

Внутри самого революционного движения выявилась слабость и неподготовленность с одной стороны марксистов-меньшевиков, с другой стороны – социалистов-революционеров, продолжателей народнических традиций. Активизируется либерализм, с которым начинает советоваться правительство. Однако русский парадокс заключался в том, что либеральные идеи, проверенные практикой западного пути, выявились для России утопией, а большевистская утопия «светлого будущего» стала политической реальностью.

Н. Бердяев с совсем иных позиций, чем марксисты-ленинцы оценивает сущность революции 1917 года. Он излагает свою, оригинальную теорию революции. Он считает, что революция, это, прежде всего проявление иррациональных сил в истории, где масса не располагает настоящей революционностью. На это способна только личность. Задолго до революции 1917 года Бердяев пророчил, что к власти придут большевики. Однако их революция будет враждебна свободе и гуманности. Революция по Бердяеву является симптомом нарастания иррациональных сил. Это понимается в двояком смысле: а) старый режим становится совершенно иррациональным, утрачивает какое-либо историческое содержание; б) сама революция осуществляется через прорыв вонне иррациональной народной стихии.

Н. Бердяев анализирует три точки зрения на революцию:

- 1) революционную и контрреволюционную (взгляды людей, которые активно берут участие в революционных действиях);
- 2) объективно-историческую, научную (взгляды людей, которые изучают революции, но не берут в них активного участия).
- 3) революционно-апокалипсическую (взгляды людей, которые внутренне переживают революцию и видят ее внутреннюю трагедию).

Он излагает собственную теорию революции. Философ считает, что смысл революции заложен во внутреннем *апокалипсисе истории*. Апокалипсис всегда является откровением о постоянной близости конца внутри самой истории, он – раскрытие неудачи истории. Революция подобна смерти, является прохождением через смерть как неминуемое следствие греха. Внутри индивидуальной жизни человека и внутри истории наступает конец и смерть для возрождения к новой жизни. Революция является судьбой истории, неотвратимой судьбой человеческого существования. В революции свершается суд над злыми силами, творящими неправду. Но силы, которые судят, сами творят зло. В революции не только зло, но и добро осуществляется силами зла. Революция – это вызов и напоминание христианам о неосуществленной ими правде.

Принятие истории есть одновременно и принятие революции, то есть принятие катастрофической прерывистости в судьбах греховного мира. Отбрасывание революции неминуемо приведет к отбрасыванию истории. Таковым является проклятие духовного мира, обращенное к миру

историческому. Примечательно то, что русская революция нарастала под знаком мировоззрения, которое культурным современникам представлялось как застарелое и примитивное. Но именно это мировоззрение привело к торжеству большевизма. В итоге революция разгромила высокую русскую культуру. Интеллигенция совершила акт самоубийства.

Тему революции как Суда истории над миром, который погряз в разложении и грехе, Бердяев рассматривает на примере русской истории конца XIX – начала XX века. Длинная цепь проигрышей и поражений надоела народу. Авторитет власти был подорван. Силы, которые шли на смену, еще не успели «освоить» жизнь. Страна была захвачена на перестройке, и в эту перестройку включился фактор случайности – личность Николая II. Фатальной фигурой для России был Распутин, в котором, по мнению Бердяева, сосредоточилась «тьма русской жизни». Цепляясь за Распутина как за народное православие, царь, и, особенно царица, поставили церковь в зависимость от хлыста. В религиозном плане русская монархия, считает Бердяев, была осуждена Богом за насилие над церковью и религиозной жизнью народа, за антихристианскую идею цезарепапизма, за враждебность к образованию. Поэтому и произошел русский апокалипсис в виде революции.

Осуществляя свой переход от темы социальной революции к теме революции персоналистической Н. Бердяев уделяет особенное внимание русской духовной элите конца XIX – начала XX столетия. Он обращается к оригинальной русской философии, которая стала оформляться лишь в 80-е годы XIX столетия. Среди наиболее выдающихся представителей этого направления Н. Бердяев называет К. Леонтьева, В. Соловьева, М. Федорова. Так, Леонтьев хочет остановить либерально-эгалитарный процесс, потому что он толкает общество в царство мещанства, навстречу гибели сложной и многокрасочной культуры. Даже социализм в глазах Леонтьева – царство буржуазности, серый земной рай, который все нивелирует и обезличивает.

Нарастающая русская апокалиптика своеобразно преломлялась в творчестве В. Соловьева. Он – представитель русской всечеловечности, враг какой-либо национальной самозамкнутости. Для него характерны: христианский универсализм, стремление к соединению всех церквей. Соловьев чувствует, что внутри истории готовится Апокалипсис и что Россия стоит на краю бездны. Заметную роль в русской апокалиптике играет Н. Федоров. Он проповедует неслыханную активность человека, который может победить природу, организовать космическую жизнь, преодолеть смерть и воскресить мертвых. Федоровское «общее дело» с необходимостью допускает братские отношения между людьми, осуществление этики родства. Это дело должно осуществляться с помощью науки и техники.

Формируется оригинальная русская культура начала XX столетия. Н. Бердяев расценивает эту эпоху как эпоху пробуждения самостоятельной философской мысли, расцвета поэзии, обострения эстетического вкуса, эпоху религиозной взволнованности, повышенного интереса к мистике и оккультизму. Однако все это происходило в замкнутом кругу, оторванном от социальных движений. Культурный ренессанс сопровождался острым предчувствием приближения гибели старой России. Литература начала XX столетия порвала с этической традицией литературы XIX столетия. В то же время было оценено и по-настоящему раскрыто духовное наследие Достоевского и Толстого, чего ранее не было сделано. Обращает на себя внимание творчество Мережковского, пронизанное раздвоенностью, безволием, которые сопровождаются словесными призывами к действию. Представляют интерес мысли Розанова, который исповедовал религию вечного Рождества. У него триумф жизни осуществляется не через воскресение к вечной жизни, а через деторождение. В ту литературную эпоху Эрос торжествовал над Логосом. Усиливалось равнодушие к теме личности и свободы. Романтики русского «серебряного века» имели яркую индивидуальность, как, например, Андрей Белый. Но в них было слабо развито личностное начало.

В то же время обозначилось стремление преодолеть индивидуализм при помощи идеи соборности (соборного сознания, соборной культуры). Главным теоретиком соборной культуры Н. Бердяев видит В. Иванова. Хомяков и славянофилы. Вл. Соловьев, Достоевский, социал-демократы, религиозные общественные течения начала XX века, Н. Федоров, В. Розанов, В. Иванов, А. Белый, П. Флоренский – все искали культуры коллективной, органичной, «соборной». Однако именно в России индивидуализм культурного творчества был преодолен самым радикальным образом. В условиях подчинения всей жизни организованному «сверху» тотальному руководству и контролю была создана культура «социалистического реализма».

Анализируя настроения русского революционного лагеря, Н. Бердяев самым детальным образом изучает личность В. Ленина. Для него Ленин – персонификация идеологии и культуры «революции социальной материи», в противоположность «революции духа», воплощенной, в

частности, в идеях Вл. Соловьева. Бердяев считает, что Ленин – органичное порождение российской истории, начиная от внешности и кончая чертами характера. Для Ленина характерен целостное, тоталитарное мировоззрение, решительный отпор любым нарушениям этой целостности. Большевизм по своей концентрированной мощи превзошел все предыдущие этапы русской великодержавности.

В годы Первой мировой войны складывается новый психологический тип личности. Эта личность охвачена комплексом властолюбия, стремится к методическому осуществлению насилия. Н. Бердяев усматривал в этом глобальную тенденцию. Это проявлялось в новом выражении лиц, новых жестах и даже в новом антропологическом типе. В этом антропологическом типе мотивы силы и власти вытеснили старые мотивы правдолюбия и сочувствия. И именно этот психологический тип, прошедший через воспитательную систему большевизма, стал господствовать над величайшей страной.

Это сопровождалось провозглашением новой революционной морали. Демократические свободы, по Ленину, только мешают осуществлению идеалов коммунизма. Любая демократия при коммунизме должна отмереть. Пролетарское государство должно воспользоваться вековыми инстинктами покорности русского народа. Общество должно пройти перевоспитание через железную муштру, железную диктатуру сверху. Только тогда, по мысли Ленина, люди смогут придерживаться элементарных условий коллективности и приспособиться к новым условиям.

Ленин, по мнению Бердяева, не верил в человека, не признавал у него внутреннего творческого начала. Он делал упор на социальную муштру и неограниченные возможности принудительной общественной организации. Однако он даже не предполагал, что классовое угнетение не исчезнет, а перетечет в новые «социалистические» формы. Воля к власти станет самодовлеющей. За власть будут бороться как за самоцель, а не как за средство. Коммунистическая революция была оригинально русской, но чуда новой жизни, ожидаемого сотнями поколений русских людей, не произошло.

Марксизм-ленинизм вобрал в себя все необходимые элементы народнического социализма, но откинул его сострадательность к человеку, его нравственную педантичность, потому что видел в этом препятствие для завоевания власти. Большевизм выявился более близким к этосу деспотической власти старого московского царства. При этом произошло снижение уровня культуры. Большевистская масса привнесла с собою стиль войны и при этом войны разложившейся. Русская коммунистическая революция родилась в несчастье и от несчастья – несчастья войны, которая разложилась. При этом по мысли Бердяева, любая революция предполагает своим источником несчастье, сгущение тьмы и отчаяния прошлого. Рухнуло старое священное российское царство и утвердилось новое, которое вновь претендует на священство. Возникла новая атеистическая теократия, которая оформилась в идеократию. В своем фундаментальном труде «Самопознание» Н. Бердяев делает вывод: «... я сознал совершенную неизбежность прохождения России через опыт большевизма» [3, с. 205].

Тоталитарный коммунизм. Считает Бердяев, как и любые тоталитарные парадигмы, требует отречения от религиозной моральной совести, отречения от высшего достоинства личности как свободного духа. Тоталитарным, по мысли Бердяева, должно было стать только христианство, но не на основе принуждения, а на основе свободного движения людей к Христу. Однако духовное христианство было вытеснено из всех сфер жизни насильственным тоталитаризмом теократии. Тоталитарным стало то, что по логике духовной жизни должно быть лишь частичным – государство, нация, раса, класс, коллектив, техника. И в этом – источник трагедии XX века.

В известной мере это касается и большевистской интерпретации марксистской философии. Основной ее категорией является категория самодвижения материи. На материю переносятся свойства духа – свобода, активность и даже сознание (отражение). Происходит спиритуализация материи. Н. Бердяев обращает внимание на то, что советской философской литературе главный акцент делался не на производительные силы, а на производственные отношения, то есть сферу организационно-управленческих решений. Там много чего зависит от индивидуальной воли. Таким же образом трактуется и революционная активность пролетариата – как самодвижение, которое не зависит от среды и экономики. Революционная активность пролетариата первична. Она преобразует среду и по-своему формирует экономику. Бердяев полагает, что большевизм все более отходил от ортодоксального марксизма в философию активизма. Хотя на тему духа в советской философии был наложен запрет. Для утверждения коммунистической власти нужно было утверждать диалектику, которая, продолжая обосновывать материализм, оставалась революционной активистской философией. Логически это было невозможно, но психологически – необходимо.

Весьма показательной в этом плане является трактовка марксизмом-ленинизмом категории свободы. Свобода подразумевается не как свобода выбора, а как активное изменение жизни, как акт, производимый социальным человеком после того как им сделан выбор. Настоящая творческая свобода наступает после того. Как выбор сделан и человек определился в своем направлении. Только свобода коллективного строительства новой жизни признавалась в Советской России. Личность, которая приспособилась к коллективу и слилась с ним, получает величайшую свободу и величайшую силу относительно всего остального мира.

Столь своеобразное толкование категории свободы связано с этической стороной большевистского мировоззрения. В коммунизме есть близкое к христианству понимание жизни каждого человека как служения надличностной цели, великому Целому. Однако эта идея в коммунистической интерпретации уродуется отрицанием самостоятельной ценности и достоинства каждой человеческой личности, ее внутренней свободы. В коммунизме есть в принципе верная идея о том, что человек в единении с другими людьми призван регулировать и организовывать жизнь мира. Но в русском коммунизме эта идея приняла тоталитарные формы, превратив человека в инструмент революции.

Бердяев подчеркивает, что Маркс и тем более Ленин не любили этический социализм. Марксисты-ленинцы по отношению к классовому врагу считали дозволенным все. Что касается их собственного «царства света и справедливости», то здесь они утверждали возвышенную мораль долга и жертвы. Постулировалась теория о классах эксплуататоров и эксплуатируемых, между которыми не может быть общей морали. Только в будущем после мировой коммунистической революции, когда исчезнут классы и утвердятся единое человечество – возникнет и единая общечеловеческая мораль. В соответствии с этой стратегией человек современный угнетается во имя человека будущего.

В соответствии с новой социальной парадигмой приобщение масс к цивилизации осуществлялось при полном разгроме интеллигенции. Великая духовная культура прошлого была признана продуктом эксплуатации. Революция, о которой интеллигенция всегда мечтала, стала ее могильщиком. В российском послереволюционном обществе образовался глубокий интеллектуальный провал. Русская коммунистическая парадигма в восприятии Н. Бердяева выглядит как деформация русского мессианизма и универсализма, русского ожидания царства правды, которые в условиях войны и разложения приняли уродливые формы.

Разрабатывая концепцию персоналистической революции Н. Бердяев переосмысливает феномен коммунистического интернационализма. Он считает, что коммунистический интернационализм стал превращенной формой русской мессианской идеи о Москве как Третьем Риме. Тем более под образ Третьего Рима не подходила петербургская империя. Именно на этом этапе произошло окончательное раздвоение. Мессианская идея русского народа принимала либо апокалиптическую форму, либо форму революционную. Революционная линия вместо Третьего Рима привела к Третьему Интернационалу. В послереволюционный период в России вырастает не только коммунистический, но и советский патриотизм, который стал переходной формой патриотизма российского.

Подвергая критике идеологию и практику коммунизма, Бердяев противопоставлял им, прежде всего, принцип духовной свободы, которую нельзя купить ни за какие блага мира. Н. Бердяев противопоставлял коммунизму принцип личности как высшей ценности, ее независимости от общества и государства, от внешней среды. [3, с. 218] В течение всей своей жизни Бердяев защищал дух и духовные ценности.

Бердяевские размышления о русском революционаризме являются весьма актуальными для изучения социальных практик XXI столетия. Заслуживает внимания закономерность: из заимствованной у Запада марксистской теории усваивается только то, что вписывается в архетипичные представления конкретного народа. «Импортированная» теория в условиях нового этнокультурного окружения начинает жить по совершенно иной логике, стимулируя совершенно иные мотивации, чем у себя на родине.

Для современного общества весьма актуальным является тезис Н. Бердяева о недопустимости раскола на культурные «верхи» и «низы», его призыв к критически мыслящей интеллигенции быть социально ответственной, активно удерживать «ментальное поле» общества под своим контролем. В противном случае это поле будет занято силами, которые будут использовать в своих интересах низменные массовые настроения.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев — М. : Наука , 1990. — 221 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. Судьба России / Н. А. Бердяев — М. : Сварог , 1997. — 541с.
3. Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии / Н. А. Бердяев — М. : Мысль , 1990. — 320 с.
4. Булгаков С. Н. Православие. / С. Н. Булгаков — М. : Фолио , 2001. — 480 с.
5. Попков В. В. Раскрепощение духа. Феномен революции в социальной философии Н. Бердяева. / В. В. Попков — Одесса : Астропринт , 2007. — 304 с.
6. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя./ Хоскинг Дж ; пер. с англ. — Смоленск. : Русич , 2000. — 512 с.

Мартіян Гаяне Миколаївна, аспірантка кафедри філософії та основ загальногуманітарного знання, ОНУ імені І.І.Мечникова

УДК: 167:316.4:172.4

ГЛОБАЛІЗАЦІЯ ТА ТОЛЕРАНТНІСТЬ В ЇХ СОЦІО-ФІЛОСОФСЬКОМУ ВИМІРІ

Стаття присвячена розгляду різноманітних підходів до питання про процес глобалізації у його співвіднесенні із явищем толерантності. Увага приділяється специфіці розуміння взаємозв'язку понять глобалізації та толерантності в їх соціо-філософському вимірі.

Ключові слова: глобалізація, толерантність, справедливість.

Статья посвящена рассмотрению различных подходов к вопросу о процессе глобализации в его соотношении с явлением толерантности. Вниманию подлежит специфика трактовки взаимосвязи понятий глобализации и толерантности в их социо-философском измерении.

Ключевые слова: глобализация, толерантность, справедливость.

The article is devoted to the consideration of various approaches to the problem of globalization in its relation to the phenomenon of tolerance. The main attention is paid to the special understanding of the interconnection between the notions of globalization and tolerance in their social and philosophical dimensions.

Key words: globalization, tolerance, justice.

Життя сучасної людини нерозривно пов'язане з поняттям глобалізації, вивченню якої сьогодні присвячена чимала кількість літератури як серед вітчизняних, так і серед зарубіжних дослідників. Треба сказати, що однозначної концепції глобалізації сьогодні не існує, так само як і не існує однозначної, прийнятої всіма оцінки даного процесу. Проте у визначенні основних характеристик глобалізації спостерігаються точки зіткнення. Зокрема, якщо російський дослідник Делягін М. визначає глобалізацію як «...руйнування адміністративних бар'єрів між країнами, планетарне об'єднання регіональних фінансових ринків, придбання фінансовими потоками, конкуренцією, інформацією і технологіями загального світового характеру» [цит. за: 1], то це визначення цілком можна доповнити словами його західного колеги Кастельса М.: «Під глобальною економікою ми розуміємо економіку, яка працює спільно в реальному часі в планетарному масштабі. Це економіка, в якій потоки капіталів, ринків праці, інформації, сировини, менеджменту і організації інтернаціоналізуються і стають повністю взаємозалежними» [цит. за: 4]. Ряд інших визначень глобалізації також відзначає її глобальний, всеосяжний характер перш за все в економічних, політичних, політико-правових аспектах.

При цьому, залучаючи різні країни, народи, культури до єдиного інформаційного, економічного та інших просторів, глобалізація тим саме створює єдиний взаємопов'язаний світ, «в якому народи не відокремлені один від одного звичними протекціоністськими бар'єрами і кордонами, що одночасно і перешкоджають їх спілкуванню і оберігають їх від неврегульованих зовнішніх дій» [5, с. 196]. Глобалізація з причини своєї специфіки «зіштовхує» різні за своїм економічним розвитком, військово-стратегічним, інформаційним рівнем народи і держави, що спричиняє різноманітні трансформації і в соціально-комунікативному середовищі. Сприйняття «Іншого», «інших» в сучасних умовах (це і